

«ТЕНЬ БЕЗ ИМЕНИ»

Дело без улик • Свидетель без алиби • Сердце под следствием

Андрей Попов

Андрей Попов
Тень без имени

«Автор»

2026

Попов А.

Тень без имени / А. Попов — «Автор», 2026

Дело без улик. Свидетель без алиби. И мужчина, которого невозможно не заметить — даже когда очень нужно. Она брала самые сложные дела и закрывала все. Это дело закрыло её саму — на замок, которого она не ждала. Каждый допрос приближал её к разгадке и к нему одновременно. Эта книга о том, что самое опасное преступление — позволить кому-то стать важным, пока ещё не знаешь правды. И о том, почему иногда стоит рискнуть. Фото из личного архива автора.

© Попов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Дело без начала и без конца	5
Утро которое начинается с чужой тайны	6
Три страницы и ни одной зацепки	8
Жертва без врагов и без прошлого	10
Интуиция говорит – это не случайность	12
Глава 2: Свидетель которого не должно быть	15
Показания которые не вписываются в картину	16
Лицо которое помнишь без причины	18
Вопрос на который он не отвечает прямо	20
Она отпускает его – и жалеет сразу	22
Глава 3: Место преступления хранит чужие секреты	25
Предмет не на своём месте	26
Запах которого не должно быть здесь	28
Окно открытое изнутри	30
Деталь которую все пропустили кроме неё	31
Глава 4: Он снова оказался рядом – случайно	35
Кофейня в двух кварталах от места дела	36
Он сидит спиной – но знает что она здесь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Попов

Тень без имени

Глава 1: Дело без начала и без конца

Папка легла на стол – и в ней не было ничего кроме вопросов

Утро которое начинается с чужой тайны

Папка была тонкая. Вот что удивило Марину Соколову в первую секунду – не содержимое, не имя на обложке, а именно толщина. Три миллиметра картона, несколько листов внутри и больше ничего. Она повертела её в руках, как будто надеялась, что страницы появятся сами собой, если хорошенько встряхнуть.

Начальник отдела Геннадий Борисович Крылов стоял у окна и смотрел на улицу. Спинай к ней. Это был его фирменный приём – давать задание и не смотреть в глаза, пока человек не переварит сказанное.

– Геннадий Борисович, – она положила папку на стол. – Здесь три страницы.

– Я знаю.

– Это всё дело?

Он наконец повернулся. Крылов был человеком без лишних слов и без лишних движений – невысокий, плотный, с короткими седыми волосами и привычкой смотреть чуть дольше, чем нужно.

– Это всё что у нас есть, – сказал он. – Поэтому оно у тебя.

За окном шёл ноябрьский Петербург. Не тот красивый ноябрь с первым снегом и детским восторгом – а тот настоящий, взрослый: мокрый асфальт, низкое небо цвета старого свинца и прохожие, которые идут с опущенными головами, как будто город давит сверху.

Марина Соколова работала следователем одиннадцать лет. За это время она видела дела толстые, как романы Толстого, и дела тонкие, как записки. Но такого – три страницы и ни одной зацепки – не видела никогда.

Ей было тридцать восемь. Точнее, тридцать восемь и два месяца – она считала месяцы с тех пор, как поняла, что к сорока хочет иметь что-то большее, чем звание и чистый стол. Что именно – она пока не формулировала. Просто чувствовала, что время идёт, а она всё стоит на месте, как та тонкая папка с тремя страницами.

Она открыла её.

Первый лист – протокол осмотра места происшествия. Стандартный бланк, заполненный аккуратным почерком дежурного следователя Васечкина. Дата: девятое ноября. Адрес: улица Некрасова, дом четырнадцать, квартира тридцать один. Жертва: Алексей Игоревич Веденеев, тридцать четыре года. Причина смерти: предположительно острая сердечная недостаточность. Следов насилия: не обнаружено. Посторонних в квартире: не выявлено.

Второй лист – краткая справка. Веденеев Алексей Игоревич. Холост. Работал дизайнером в небольшой рекламной студии. Снимал квартиру три года. С соседями не конфликтовал. Родители живут в Пскове, узнали о гибели сына от участкового. Последний звонок по телефону – восьмого ноября в двадцать три сорок семь, абонент неизвестен, номер зарегистрирован на юридическое лицо, которое уже год как ликвидировано.

Третий лист – и это был уже почти анекдот – чистый. Совсем. Без единой буквы.

Марина подняла взгляд на Крылова.

– Третий лист пустой.

– Это для твоих записей, – сказал он без улыбки.

Она закрыла папку. Положила руки на стол. Посмотрела в окно, потом обратно на него.

– Почему мне? У Романова сейчас два незакрытых дела, у Литвиновой – три. У меня сейчас чисто.

– Именно поэтому.

– Геннадий Борисович. Здесь нет ничего. Молодой парень, живёт один, умирает от сердца в тридцать четыре года. Это трагедия, но это не моя работа. Это врачи.

Крылов подошёл к столу и сел напротив неё. Он так делал редко – обычно разговаривал стоя. Это означало, что сейчас будет что-то важное.

– Веденеев не состоял на учёте с сердечными заболеваниями, – сказал он тихо. – Вообще никогда. Последний медосмотр три месяца назад – абсолютно здоров. Более того – он занимался бегом. Участвовал в полумарафоне в сентябре. Финишировал.

Марина помолчала.

– Это в деле не указано.

– Это в деле не указано, – согласился он. – Потому что Васечкин не копал. Дежурный вызов, смерть без явных признаков насилия, родственники в провинции, соседи ничего не слышали. Галочка и до свидания.

– А кто-то не согласен с галочкой?

Крылов встал. Снова подошёл к окну – этот его разворот туда-обратно означал, что ответ будет уклончивым.

– Мне позвонили, – сказал он. – Неофициально. Попросили посмотреть внимательнее. Кто позвонил – не спрашивай.

Марина не спросила. За одиннадцать лет она научилась слышать то, что не говорят вслух. Крылов получил звонок сверху. Может, из прокуратуры, может, ещё выше. Это означало, что дело важнее, чем три страницы.

– Хорошо, – сказала она. – Я возьму.

Крылов кивнул. Разговор был закончен.

Марина взяла папку под мышку, поднялась и пошла к двери. Уже в дверях остановилась.

– Геннадий Борисович. Если здесь что-то серьёзное – мне нужны ресурсы. Криминалистика, запросы, оперативное прикрытие если понадобится.

– Будет всё что попросишь, – сказал он.

Это тоже было необычно. Обычно за ресурсы надо было воевать.

Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь. Коридор был длинным, серым, с флуоресцентными лампами, одна из которых мигала уже третью неделю. Марина шла по нему и думала: тридцать четыре года, здоровый как бык, бегун, и вдруг – сердце. В ноябре. В одиночестве.

Что-то в этом было не так. Она не могла объяснить – что именно. Просто не так, и всё.

Три страницы и ни одной зацепки

Свой кабинет Марина Соколова занимала уже шесть лет. Небольшая комната на третьем этаже, два окна, выходящих во двор-колодец, старый письменный стол из девяностых, на котором был виден слой за слоем весь её профессиональный путь – царапины, кофейные кольца, один глубокий порез от какого-то дела, которое она уже не помнила.

Она положила папку в центр стола и включила настольную лампу – дневной свет из окна был никудышный, особенно в ноябре. Достала блокнот. Раскрыла папку снова.

Итак. Алексей Игоревич Веденеев.

Марина начала с самого простого – с того, что было написано. Место жительства: улица Некрасова. Она знала этот район. Старые дома, высокие потолки, соседи через стену, консьержей нет, домофоны работают через раз. Не бедный район, но и не богатый. Такой – средний. Где живут люди, которые не хотят привлекать внимания.

Дизайнер в рекламной студии. Значит, работа нестабильная – проекты, дедлайны, заказчики. Снимал квартиру три года. Три года на одном месте – это уже что-то. Человек, который привязан к месту, к городу. Не перекаати-поле.

Холост. Это ни о чём не говорит, но Марина отметила. Тридцать четыре, холост, живёт один. Либо сам выбрал, либо не сложилось. Ни то ни другое не преступление.

Последний звонок – в двадцать три сорок семь. Почти полночь. Кто-то звонил ему или он звонил кому-то? В справке написано расплывчато: “звонок по телефону”. Марина достала ручку и написала в блокноте первый вопрос: исходящий или входящий?

Номер зарегистрирован на ликвидированное юридическое лицо. Это уже интереснее. Ликвидированное – значит, формально его не существует. Но кто-то же звонил с этого номера? Телефон работал. Значит, кто-то платил за него. Или платил когда-то, и сим-карта просто ещё активна.

Она написала второй вопрос: полные данные юридического лица, история регистрации, учредители.

Третий вопрос пришёл сам: почему Васечкин не задал ни одного из этих вопросов?

Ответ был простой и невесёлый. Потому что смерть выглядела естественной. Потому что молодые люди иногда умирают от сердца – редко, но бывает. Потому что ноябрь, конец смены, холодно, и дома ждут. Потому что никто не сигнализировал – ни соседи, ни родственники, ни коллеги.

Но кто-то позвонил Крылову.

Марина откинулась на спинку кресла и посмотрела в потолок. Там была трещина, которую она знала наизусть – она тянулась от угла к центру и там раздваивалась. В трудные моменты она смотрела на эту трещину и думала. Привычка дурацкая, она сама это понимала, но менять не собиралась.

Значит, кто-то знал про Веденева. Кто-то, у кого есть выход на начальника следственного отдела или выше. Этот кто-то считает, что смерть не естественная. Но назваться – не назвался. Почему? Или потому что у него нет доказательств. Или потому что сам боится.

Оба варианта плохие. Первый – значит, Марине предстоит работать в темноте. Второй – значит, то, что она найдёт, может быть опасно.

Она снова открыла справку на Веденева. Родители в Пскове – Игорь Николаевич и Людмила Семёновна. Значит, надо ехать в Псков или хотя бы звонить. Коллеги из рекламной студии – адреса студии в деле нет. Само собой, Васечкин не записал. Где-то в телефоне Веденева должен быть контакт работодателя.

Телефон. Марина снова посмотрела в папку. О телефоне ни слова. Где он? Остался в квартире? Изъят? Нет – изъятия в протоколе нет.

Она позвонила Васечкину.

Тот ответил после четвёртого звонка, голосом человека, которого разбудили, хотя было уже начало одиннадцатого утра.

– Васечкин, это Соколова. По делу Веденеева.

– А, это которое с Некрасова? – В трубке было слышно, как он что-то переставляет. – А что с ним?

– Телефон жертвы. Где он?

Пауза.

– Ну... в квартире остался, наверное. Мы не изымали – оснований не было.

– В квартире. Квартира опечатана?

– Должна быть. По протоколу.

– По протоколу или точно?

Ещё одна пауза, длиннее.

– Я там не был с той ночи, – признался Васечкин. – Соколова, слушай, там же всё чисто было. Сердечный приступ, эксперт посмотрел, я протокол составил...

– Эксперт вскрытие провёл?

– Нет. Мы... предварительно это сердце. Полное вскрытие не назначали.

Марина закрыла глаза. Подышала секунду.

– Значит, до сих пор нет официальной причины смерти, – сказала она ровно. – Телефон, возможно, в незапертой квартире. И вскрытие не проведено. Я всё правильно понимаю?

– Соколова, ну это же...

– Спасибо, Васечкин. Всего доброго.

Она положила трубку. Посмотрела на блокнот. К трём вопросам добавились ещё два: немедленно организовать вскрытие и выехать на квартиру сегодня же.

И вот тут что-то внутри – то, что она называла “профессиональным чутьём”, а её бывший муж называл “занудством” – сказала ей: это дело непростое. Не потому что в нём есть что-то очевидно криминальное. А именно потому, что нет ничего. Совсем ничего.

Пустота – это тоже улика.

Жертва без врагов и без прошлого

До квартиры на Некрасова Марина добралась к полудню. Взяла с собой криминалиста Серёгу Ломова – рыжего, веснушчатого, с вечно расстёгнутой молнией на куртке и феноменальной наблюдательностью. Ломов мог заметить царапину на дверном косяке так, словно это был портрет Рембрандта.

Квартира оказалась не опечатанной. Марина ожидала этого, но всё равно остановилась у двери и помолчала секунду.

– Не опечатана, – сказал Ломов, констатируя очевидное.

– Вижу. – Она достала перчатки. – Работаем аккуратно.

Замок был простой, без каких-то хитростей. Ключи у неё были – взяла у родителей, которым их передал участковый. Она открыла дверь и вошла первой.

Квартира встретила запахом – спёртым воздухом закрытого помещения и чем-то ещё, слабым, почти неуловимым. Марина остановилась в коридоре и вдохнула. Потом ещё раз. Что-то знакомое, но она не могла поймать.

– Ломов, – сказала она тихо, – ты ничего не чувствуешь?

Серёга тоже вдохнул. Покрутил носом.

– Одеколон, – сказал он. – Или туалетная вода. Мужская, крепкая. Но не его – Веденева вынесли девять дней назад, аромат бы выветрился.

Марина кивнула. Запах туалетной воды в квартире одинокого мужчины, который умер девять дней назад.

Это был первый момент, когда она почувствовала – здесь был кто-то. После смерти Веденева.

Квартира была небольшая: прихожая, комната, кухня, санузел. Мебель скромная, но со вкусом – Веденеев, судя по всему, умел обустраивать пространство. На стенах несколько постеров – один с чёрно-белой фотографией Петербурга, один с иллюстрацией из какой-то книги. На подоконнике кактус – живой, полита совсем недавно.

– Ломов, – Марина кивнула на кактус.

Тот подошёл, наклонился.

– Земля влажная, – сказал он. – Дня два-три назад полита, не больше.

Квартира пустая девять дней. Кактус полит два-три дня назад.

Марина прошла в комнату. На столе – рабочий планшет и стилус. Рядом стакан с карандашами. Полка с книгами – много, читал человек. Кровать застелена аккуратно. Никакого следа спешки или беспорядка.

Телефона на столе не было. Она проверила тумбочку, кухню, полки в прихожей. Подушку подняла – привычка дурацкая, но иногда люди кладут телефон под подушку. Ничего.

– Телефона нет, – сказала она.

– Может, с собой был, – предположил Ломов. – Одежду-то родственники забрали?

– Нет. По протоколу Васечкина, одежда на жертве, сдана в морг вместе с телом. Кошелёк там же. Про телефон – ни слова.

Они помолчали.

– Значит, кто-то взял после, – сказал Ломов.

– Именно.

Пока Ломов снимал отпечатки и собирал образцы, Марина изучала комнату методично – угол за углом, полка за полкой. На рабочем столе нашла листок бумаги – обычный, формат А5, без надписей. Но когда она поднесла его к лампе, увидела вдавленный след от ручки. Кто-то писал на листке, который лежал сверху. Она убрала листок в пакет – потом, в хорошем свете, можно попробовать прочитать.

В ящике стола – скрепки, ластик, несколько квитанций. Марина просмотрела каждую. Квитанции об оплате интернета, коммунальных услуг. И один чек – кафе “Северный свет”, семнадцатое октября, сумма: четыреста сорок рублей. Два кофе. Кто-то приходил к нему, или он приглашал кого-то, три недели до смерти.

Она убрала и это.

В шкафу одежда – обычная, мужская. Ничего лишнего. Но в самом дальнем углу, под стопкой свитеров, она нашла конверт. Обычный белый конверт, без адреса и без марки. Запечатанный.

Марина повертела его. Лёгкий – там был один листок, не больше. Она вскрыла конверт прямо там.

Внутри была фотография. Старая, распечатанная на домашнем принтере – чуть смазанная, зернистая. На фотографии – двое мужчин у машины. Один из них, судя по внешности, был Веденеев – Марина сверилась с фото из дела. Второй – в профиль, лица толком не видно. Высокий, темноволосый, в тёмной куртке.

На обороте – ни слова.

– Ломов, – позвала она. – Иди сюда.

Он пришёл, посмотрел.

– Снимем с неё что можно, – кивнул он. – Хотя домашняя печать – это не фонтан. Качество паршивое.

– Мне нужно хотя бы примерно понять – когда сделана и кем.

– Попробуем.

Марина смотрела на фотографию. Второй мужчина. Высокий, тёмный, машина – серая, марку не разглядеть. Где-то на открытом воздухе, летом – видно деревья в листве.

Кто ты такой?

Интуиция говорит – это не случайность

Вернувшись в кабинет к трём часам дня, Марина разложила на столе всё, что взяла с квартиры. Листок с вдавненным следом – передала в лабораторию. Фотографию – тоже. Чек из кафе. И несколько скриншотов с разных поверхностей, которые сделал Ломов.

Потом она позвонила в морг.

– Вскрытие по делу Веденеева когда можно провести?

– Завтра с утра, – ответил дежурный. – Если направление пришлёте сегодня.

– Пришлю.

Потом позвонила в рекламную студию – нашла через городской реестр, студия называлась “Образ”. Трубку подняла женщина с усталым голосом.

– Здравствуйте. Это следователь Соколова, я по делу вашего сотрудника Веденеева.

Пауза.

– Да, – сказала женщина. – Господи, мы до сих пор не можем поверить. Лёша был... он такой был парень. Молодой, талантливый.

– Вы можете завтра ответить на несколько вопросов? Лично.

– Конечно. Приходите когда хотите.

Марина записала адрес студии. Потом открыла компьютер и начала пробивать юридическое лицо, на которое был зарегистрирован таинственный номер.

“ООО Навигатор-Прим”, зарегистрировано в две тысячи восемнадцатом году, ликвидировано в две тысячи двадцать третьем. Учредитель – некий Герман Вадимович Старостин. Адрес регистрации – Москва, улица Большая Тульская. Деятельность: консультационные услуги. Никаких нарушений, никаких судебных разбирательств в открытых источниках.

Марина набрала имя в базе.

Старостин Герман Вадимович нашёлся сразу – и оказался давно умершим. Умер в две тысячи двадцать первом году, в возрасте шестидесяти двух лет. Два года спустя его компанию ликвидировали. Логично. Но кто пользовался телефоном, зарегистрированным на эту компанию, в ноябре этого года?

Это был вопрос без ответа. Пока.

Марина встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Двор-колодец был пуст – только голые деревья и мусорный бак у стены. Небо стало совсем тёмным, хотя было ещё только начало четвёртого. Ноябрь.

Она думала о Веденееве. Тридцать четыре года, здоровый, занимался спортом. Жил тихо, работал дизайнером, снимал квартиру. Никаких криминальных связей в базе нет. Никаких долгов, нет судимостей, нет даже административных штрафов кроме одного – за превышение скорости три года назад.

Тихий человек. Незаметный.

Но кто-то зашёл к нему в квартиру после его смерти и полил кактус. Кто-то взял его телефон. Кто-то встречался с ним в кафе за три недели до смерти – и этот кто-то неизвестен. Кто-то сфотографировался с ним летом – и эту фотографию он хранил под стопкой свитеров, как будто боялся, что найдут.

Люди прячут то, что важно. Или то, что опасно.

Марина вернулась к столу и открыла блокнот. На первой странице уже был список из семи вопросов. Снизу она написала восьмой: кто такой второй мужчина на фотографии?

Потом добавила девятый, хотя он был скорее ощущением, чем вопросом: что знал Веденеев – и кому это мешало?

Зазвонил телефон. Номер незнакомый.

– Соколова, – ответила она.

– Добрый вечер, – сказал незнакомый голос. Мужской, низкий, спокойный. – Вы сегодня были в квартире на Некрасова.

Это не было вопросом.

Марина не двинулась с места, но внутри что-то собралось – сосредоточилось, как кулак.

– С кем я говорю?

– Меня зовут Антон. Фамилия пока неважна. – Пауза. – Я видел Веденеева в последний раз живым. Я хотел бы это объяснить. Лично.

– Вы понимаете, что должны были прийти к нам сразу? – сказала Марина. – Как только узнали о смерти?

– Понимаю. Именно поэтому я звоню сейчас.

Она взяла ручку.

– Где и когда?

– Завтра. Кафе на Фонтанке, угол Рубинштейна. В десять утра. – Голос был ровный. – Я вам кое-что расскажу. И кое-что покажу.

– Хорошо, – сказала Марина.

– И ещё одно, – добавил он. – Приходите одна. Пожалуйста.

Он отключился.

Марина опустила трубку на стол. Смотрела на неё несколько секунд. Потом подняла снова и нажала кнопку вызова на незнакомый номер.

“Абонент недоступен.”

Она записала номер в блокнот и отправила в отдел на проверку. Пока данных нет – ждать.

Потом она долго сидела в тишине и думала об этом голосе. Низкий, спокойный. Не взволнованный, не испуганный. Человек, который контролирует разговор. Который знает, что скажет и сколько скажет – и не больше.

Она спросила себя: этот человек опасен?

И поняла, что не знает. Что интуиция молчит там, где обычно говорит.

Это было само по себе странно. Обычно она чувствовала – угроза или нет. Одиннадцать лет работы выработали этот рефлекс надёжно. А тут – тишина. Ни страха, ни тревоги. Только любопытство.

Она выключила лампу, убрала блокнот в ящик и начала собираться домой. По дороге к вешалке остановилась у зеркала – маленького, в деревянной рамке, которое висело в её кабинете с первого дня. Посмотрела на себя. Тёмные волосы, собранные в хвост.

Серые глаза, которые её бывший муж называл “следственными” – он имел в виду, что они всегда смотрят чуть глубже, чем нужно для обычного разговора. Лёгкие морщины у глаз, которые она перестала замечать года три назад. Усталость – не от этого дня, а от многих дней сразу.

Она подумала: завтра в десять утра незнакомый мужчина расскажет ей что-то о мёртвом человеке. И она пойдёт. Одна.

Потом подумала: а разве я когда-то боялась идти?

Нет. Не боялась. Это была, пожалуй, её главная черта – и её главная проблема одновременно. Она никогда не боялась идти туда, куда нужно. Она боялась только одного – остановиться на полпути и не узнать ответ.

Марина надела пальто, взяла сумку и вышла в коридор. Лампа над головой снова мигнула – та самая, с третьей недели. Она привычно не обратила внимания.

На улице было холодно и сыро. Петербург в ноябре умеет быть некрасивым – откровенно, без извинений. Мокрые листья на асфальте, лужи, в которых отражаются жёлтые фонари. Она шла к метро и думала о Веденееве.

Тридцать четыре года. Полумарафон в сентябре. Кактус, который кто-то полил после его смерти. Фотография под стопкой свитеров. Голос в трубке – низкий и спокойный.

Это не было случайностью. Она знала это так же точно, как знала, что завтра будет такой же серый ноябрьский день.

Дело без начала – это не значит дело без конца. Это значит – начало спрятано. Надо найти. И она найдёт.

Глава 2: Свидетель которого не должно быть

Он видел всё – но появился там где его не могло быть

Показания которые не вписываются в картину

Кафе называлось “Фонтанка, 38” – и было именно тем местом, которое выбирают люди, не желающие быть замеченными. Не пафосное, не туристическое. Маленькое, тёмное, с деревянными столиками и меню на грифельной доске. Из музыки – что-то джазовое, негромкое, как фон для чужих разговоров.

Марина пришла на восемь минут раньше. Привычка – всегда осмотреться до того, как тебя увидят.

Она заняла столик у стены – не тот, что у окна, и не тот, что у двери. Средний. Откуда видно всё помещение и оба выхода. Заказала кофе и раскрыла блокнот, хотя писать пока было нечего.

Он вошёл ровно в десять.

Марина его не сразу узнала – потому что узнавать было не по чему. Но она сразу поняла, что это он. По тому, как вошёл – без суеты, без оглядки через плечо. Уверенно, но не демонстративно. Так ходят люди, которые привыкли контролировать пространство вокруг себя.

Высокий – примерно метр восемьдесят пять. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято в деловой среде. Лет тридцать восемь, может, сорок. Тёмная куртка – не дорогая, но хорошая. Лицо спокойное, с резкими скулами и взглядом, который Марина не смогла сразу классифицировать. Не опасный. Не испуганный. Просто – внимательный.

Он нашёл её глазами раньше, чем она успела это понять. Подошёл к столику.

– Соколова? – спросил он. Голос был тот самый – низкий, ровный.

– Да. – Она не встала. – Антон?

– Антон Веригин. – Он сел напротив. Без рукопожатия – сел и сразу посмотрел на неё прямо. – Спасибо, что пришли.

– Это моя работа.

– Я знаю.

Официант принёс её кофе. Антон заказал чай – просто чёрный, без уточнений.

Марина положила руки на стол, не открывая блокнота.

– Вы сказали, что видели Веденева последним живым, – начала она. – Когда и где?

– Восьмого ноября, – ответил он сразу. – Около одиннадцати вечера. У него дома, на Некрасова.

Марина не изменилась в лице.

– Вы были у него дома в одиннадцать вечера. В ту ночь, когда его нашли мёртвым.

– Да.

– И вы не сообщили об этом сразу потому что...

– Потому что не мог, – сказал он. – Я объясню. Но сначала скажите мне – вскрытие уже назначено?

Марина помолчала секунду.

– Назначено. Проводится сегодня утром.

– Хорошо. – Он кивнул, как будто это было важно. – Тогда слушайте.

Он говорил ровно, без лишних слов. Марина слушала и одновременно наблюдала – за руками (спокойные, лежат на столе), за глазами (смотрит прямо, не отводит), за темпом речи (не торопится, но и не тянет).

По его словам, он знал Веденева около года. Познакомились через общих знакомых – он не уточнил через каких. Виделись редко, но регулярно. Восьмого ноября договорились встретиться у Алексея дома – Антон принёс ему кое-что, тоже без уточнений. Пробыли вместе около часа. Когда Антон уходил, Веденев был жив – сидел за столом, работал на планшете.

– Что именно вы ему принесли? – спросила Марина.

– Документы, – сказал он.

– Какие документы?

– Это я пока не готов говорить.

Марина посмотрела на него. Он не отвёл взгляд.

– Вы понимаете, что это звучит как отказ от сотрудничества со следствием?

– Я понимаю, – ответил он спокойно. – Я также понимаю, что если скажу вам сейчас всё – это создаст проблемы не только мне. Дайте мне немного времени. Я скажу – но когда буду уверен, что это безопасно.

– Для кого безопасно?

– Для вас в том числе, – сказал он. И это прозвучало не как угроза. Как предупреждение.

Марина взяла кофе и сделала глоток. Горячий, крепкий – такой, как она любила.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда расскажите то, что готовы рассказать. Вы уходили в котором часу?

– Около полуночи. Может, без пяти.

– Как Веденеев выглядел? Физически.

– Нормально. – Антон слегка нахмурился, вспоминая. – Устал, может быть. Но не больной. Никаких жалоб, никаких признаков недомогания. Он сказал, что ляжет спать после работы, и проводил меня до двери.

– Вы видели что-нибудь необычное? В квартире, на лестнице, у подъезда?

Он помолчал. Впервые за разговор – заметная пауза.

– На лестнице, – сказал он медленно. – Когда я спускался – на площадке между третьим и вторым этажом кто-то стоял. В нише у окна. Я не разглядел – темно было, лампочка не горела. Но было ощущение – человек. Не сосед, не случайный – стоял намеренно. Не двигался.

– Мужчина, женщина?

– Не разглядел. Силуэт – среднего роста, тёмная одежда. Всё.

– Вы не остановились?

– Нет. – Он посмотрел на неё. – Я прошёл мимо. И это моя ошибка – я понял это уже утром, когда узнал.

– Как вы узнали о смерти?

– Мне позвонили.

– Кто?

– Человек, которого я не назову. – Снова ровно, без извинений. – Пока не назову.

Марина закрыла блокнот. Это был жест – намеренный. Она смотрела на него без блокнота, без ручки, просто смотрела.

– Антон. Вы пришли сюда сами. Позвонили мне сами. Вы могли не делать ни того ни другого.

– Мог.

– Почему сделали?

Он взял стакан с чаем. Отпил.

– Потому что Алексей не должен был умереть, – сказал он просто. – И потому что если вы не найдёте – кто это сделал, это не закончится на нём.

Последние слова он произнёс тихо. Почти для себя.

Марина смотрела на него и думала. Этот человек знает больше, чем говорит – это очевидно. Он пришёл по собственной воле, но строго дозирует информацию. Он предупреждает об опасности – но свою роль не раскрывает. Он спокоен – слишком спокоен для человека, который был на месте преступления за час до смерти жертвы.

Подозреваемый? Возможно. Свидетель? Точно. Но что-то ещё – третье, для чего она пока не нашла слова.

Лицо которое помнишь без причины

– Ещё один вопрос, – сказала Марина. – Вы знаете человека по имени Старостин Герман Вадимович?

Реакция была едва заметна. Почти ничего. Только лёгкое движение в уголке рта – не улыбка, не напряжение. Что-то между.

– Знаю, – сказал он. – Знал. Он умер.

– Вы с ним работали?

– В некотором роде.

– Что значит “в некотором роде”?

– Значит, что наше сотрудничество сложно описать одним словом.

Марина смотрела на него. Он смотрел на неё. В кафе кто-то засмеялся за соседним столиком – громко, по-утреннему беззаботно. Здесь был другой мир, и они оба в нём не совсем вписывались.

– Хорошо, – сказала она. – Вы знаете, кто пользовался телефонным номером, зарегистрированным на компанию Старостина, после его смерти?

Пауза. Чуть длиннее, чем предыдущие.

– Это важно для дела? – спросил он.

– Это важно для меня.

– Это разные вещи, – сказал он. Но без иронии. Серьёзно.

– Антон. – Она произнесла его имя впервые, намеренно. – Этот номер звонил Веденееву за час до его смерти.

Что-то изменилось в его лице. Не сильно – он умел держать лицо. Но что-то всё же дрогнуло – в глазах, в той линии между бровями, которая слегка углубилась.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Он поставил стакан на стол. Посмотрел в сторону – впервые за весь разговор отвёл взгляд. Смотрел на грифельную доску с меню, но явно не видел её.

– Этот звонок делал не я, – сказал он наконец.

– Тогда кто?

– Я не знаю. – Он вернул взгляд к ней. – И это меня беспокоит больше всего остального.

Этот номер... он не должен был быть активен. Я думал, что он давно отключён.

– Вы имели к нему доступ?

– Имел. В прошлом.

Марина записала это в блокнот. Одно предложение, коротко. Потом подняла голову.

– Вы понимаете, что сейчас звучите как человек, у которого очень много объяснений и очень мало конкретики?

– Понимаю, – сказал он. И снова без извинений, без оправданий. Просто принял как факт.

– Это раздражает, – сказала Марина прямо.

Он посмотрел на неё – и впервые за всё утро что-то изменилось в его глазах. Не улыбка – но что-то похожее на уважение.

– Я заметил, – сказал он.

Она убрала блокнот в сумку.

– Мне нужно ваше полное имя, адрес проживания, контактный телефон, – сказала она официально. – И вы должны быть готовы дать официальные показания. Не сейчас – но скоро.

– Я готов, – сказал он просто. – Когда скажете.

Он продиктовал ей всё – адрес в Петербурге, телефон (другой, не тот, с которого звонил). Она записала. Всё выглядело правдиво – но это ещё ничего не означало.

Они поднялись одновременно. У двери он придержал её – не хватая за руку, просто чуть выдвинулся вперёд, открывая дверь. Жест автоматический, привычный. Она заметила и ничего не сказала.

На улице было холодно. Они стояли у входа в кафе – она в пальто, он в куртке – и оба смотрели на Фонтанку. Вода была серая, беспокойная. Мелкая рябь от ветра.

– Антон, – сказала она. – Тот человек в нише на лестнице. Вы испугались?

Он подумал секунду.

– Нет, – сказал он. – Насторожился. Это разные вещи.

– Да, – согласилась она. – Разные.

Она пошла в сторону метро. Он остался стоять. Она не оборачивалась – но почему-то была уверена, что он смотрит ей вслед. И почему-то это не было неприятно.

Это было странно.

Вопрос на который он не отвечает прямо

В половине двенадцатого Марина была в рекламной студии “Образ”.

Студия занимала половину второго этажа в старом доме на Лиговском – с высокими потолками, облупленной лепниной и пластиковыми перегородками, которые явно поставили недавно и явно в целях экономии. Пахло кофе и распечатками. На стенах – постеры, логотипы, образцы работ.

Руководитель студии, Ирина Петровна Захарова – женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и усталыми, но умными глазами – встретила Марину у входа и сразу провела в свой кабинет, отдельный от общего пространства.

– Садитесь. Кофе?

– Спасибо, выпила уже.

Ирина Петровна села напротив и сложила руки на столе.

– Я до сих пор не понимаю, почему к нам пришёл следователь, – сказала она. – Лёша умер от сердца. Так нам объяснили.

– Мы проверяем все обстоятельства, – ответила Марина. – Это стандартная процедура. Расскажите мне о Веденееве как о человеке. Каким он был на работе?

Ирина Петровна помолчала, собирая слова.

– Хорошим, – сказала она наконец. – Это звучит банально, но это правда. Он был тихим – не замкнутым, просто тихим. Делал своё дело, не жаловался, не конфликтовал. Очень хороший дизайнер – у него было чутьё на форму, на пространство. Заказчики его любили.

– Он с кем-нибудь дружил в коллективе?

– Больше всего с Костей Берёзовым. Они часто обедали вместе. Но и с остальными нормально – без напряжения.

– Костя сейчас здесь?

– Здесь. – Ирина Петровна поднялась. – Позову.

Берёзов Константин – молодой парень, лет двадцати семи, худощавый, с серьгой в ухе и видом человека, который не выспался – пришёл через минуту и сел на стул у стены, как будто готовился к чему-то неприятному.

– Привет, – сказала Марина негромко. – Я следователь Соколова. Я понимаю, что это тяжело – говорить о Лёше. Но мне нужно.

Берёзов кивнул. Смотрел в пол.

– Вы последние недели замечали в нём что-то необычное? – спросила она. – В поведении, настроении? Может, он был напряжён, или наоборот – что-то скрывал?

Берёзов поднял голову.

– Да, – сказал он. – Последние недели – точно. Он стал... не знаю как сказать. Аккуратным. Не в смысле опрятным – он всегда был аккуратным. В смысле – осторожным. Телефон убирал экраном вниз. Из офиса выходил поговорить, хотя раньше всегда прямо за столом разговаривал. Однажды я подошёл сзади – просто позвать на обед – он вздрогнул так, что чуть стул не опрокинул.

– Он говорил – почему?

– Нет. Я спросил – он сказал “всё нормально”. Но это было не нормально.

– За несколько дней до восьмого ноября он ничего не упоминал? Встречи, знакомые люди, что-то беспокоило?

Берёзов снова посмотрел в пол. Думал.

– Он сказал одну фразу, – произнёс он медленно. – Мы с ним были в столовой, в четверг – это за несколько дней до... Он ел и вдруг сказал: “Знаешь, Кость, иногда лучше не знать

правду про человека. Живёшь себе спокойно”. Я спросил – про кого. Он засмеялся и сказал: “Ни про кого. Так, мысли”.

Марина записала дословно.

– Больше ничего?

– Больше ничего. – Берёзов помолчал. – Он не вернулся с выходных. В понедельник не пришёл – мы решили, заболел. Во вторник позвонили домой. Не берёт. В среду Ирина Петровна позвонила участковому... – Он оборвал себя. – Господи.

– Спасибо, Костя, – сказала Марина тихо. – Правда, спасибо. Если вспомните что-то ещё – звоните. – Она дала ему визитку.

Берёзов взял карточку обеими руками, как будто она была хрупкой.

Уже уходя, Марина задержалась у стенда с работами сотрудников. Листала распечатки – логотипы, макеты, иллюстрации. Нашла подписанные Веденевым. Смотрела на его работы.

Чистые линии, хороший вкус. Человек, который умел видеть форму. Иногда лучше не знать правду про человека.

Что он узнал – и о ком?

Она отпускает его – и жалеет сразу

Вернувшись к себе, Марина сразу набрала запрос по Антону Веригину.

Данные пришли быстро – но оказались на удивление скудными. Антон Дмитриевич Веригин, тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года рождения. Прописан в Петербурге. Образование высшее – Политехнический университет, специальность “информационная безопасность”. Место работы последние три года: не указано. Судимостей нет. Административных правонарушений нет.

До три года назад – пусто. Совсем. Как будто человек существовал в вакууме.

Марина смотрела на экран и думала. Три года без официального места работы – это или собственный бизнес, не отражённый в реестрах, или частная практика, или что-то, что вообще не называется официально.

Она вспомнила его слова: “три года, которые он не объясняет” – нет, это будет позже, это ещё впереди. Пока – просто три года пустоты в биографии. Специальность “информационная безопасность”. Знакомство с умершим владельцем консультационной компании.

Всё это складывалось во что-то – но во что именно, она пока не видела.

Позвонил Ломов.

– Соколова, по фотографии – результаты. Пришли с лаборатории.

– Говори.

– Напечатана примерно три-четыре месяца назад на домашнем принтере, предположительно – модели средней ценовой категории. Снимок сделан в июле-августе, судя по листве и освещению. Отпечатков на фотографии нет – кто-то держал её в перчатках.

– В перчатках, – повторила Марина.

– Или очень чистыми руками. Но это вряд ли. По второму фигуранту – ничего. Профиль, плохое качество, нейросетевой анализ дал сходство с шестью разными людьми в базе с вероятностью меньше сорока процентов. Это ни о чём.

– А листок с вдавленным следом?

– Вот это интереснее. Там было написано – насколько нам удалось восстановить – три слова и что-то похожее на цифры. Слова: “Нева”, “архив”, и третье – либо “семь”, либо “Сева”. Цифры похожи на дату – двузначное число, потом двузначное. Может, одиннадцатое двенадцатое. Или ноябрь двенадцать. Точнее не скажу – след слабый.

– “Нева”, “архив”, дата. – Марина записала. – Отлично. Спасибо, Серёга.

– И ещё одно. По кактусу – земля была полита водой из-под крана петербургской водопроводной сети. Это, конечно, ни о чём не говорит – у нас полгорода пьёт такую. Но то, что поливали намеренно и относительно недавно – это точно.

Марина положила трубку и посмотрела в окно. “Нева”, “архив”, дата. Это Веденеев писал – или тот, кто был у него в квартире? Кто знает, что он писал на этом листке – и зачем прятал.

Архив. Это слово было интересным.

Она снова открыла базу – на этот раз искала архивы, связанные с именем Веденева или с компанией “Навигатор-Прим”. Ничего очевидного. Но что-то было.

Она достала блокнот и перечитала всё, что записала с самого утра.

Антон Веригин был у Веденева за час до смерти. Принёс документы. Когда уходил – на лестнице стоял кто-то в темноте. Через полтора часа Веденеев мёртв. Официальная причина смерти – острая сердечная недостаточность. Но здоровый человек, спортсмен. Телефон исчез. В квартиру кто-то заходил после смерти. На фотографии неизвестный мужчина.

И последний звонок Веденеву – с номера мёртвого человека. Номера, к которому имел доступ Антон Веригин.

Который сказал: “Этот звонок делал не я. И это меня беспокоит больше всего остальных.”

Марина закрыла блокнот.

Она думала об этом человеке – спокойном, точном, дозирующем каждое слово. О том, как он смотрел, когда она сказала про звонок с номера Старостина. О том, как сказал: “Это создаст проблемы не только мне. Для вас в том числе.”

Он её предупреждал. Защищал. Или пугал?

Она не знала. И это незнание было новым – непривычным. Обычно после первого разговора она уже понимала человека достаточно, чтобы поставить его в одну из категорий. Свидетель. Подозреваемый. Случайный. Связанный.

Антон Веригин не вставал ни в одну из них. Он был чем-то отдельным.

Она открыла телефон и нашла его номер – тот, что он продиктовал в кафе. Смотрела на него минуту. Потом убрала телефон.

Позвонить – значило бы продолжить разговор. А разговор не закончен. Не потому что не всё сказано – а потому что сказанного уже было достаточно для нескольких важных вопросов.

Но сначала – архив.

“Нева”, “архив”, одиннадцатое двенадцатое. Что искал Веденеев в архиве – или что он там нашёл?

Марина потянулась к телефону снова – и набрала номер городского архива Центрального района.

– Здравствуйте. Следователь Соколова. Мне нужно проверить – было ли у вас обращение на имя Веденева Алексея Игоревича в октябре-ноябре этого года.

На том конце долго листали что-то.

– Да, – сказал архивариус наконец. – Веденеев. Запрос на просмотр фондов. Двадцать восьмого октября. Он у нас был лично.

– Какой фонд он запрашивал?

Пауза. Более длинная, чем нужно для простой проверки по журналу.

– Фонд номер семнадцать, – сказал архивариус. Голос стал чуть осторожнее. – Исторические документы административных решений за восьмидесятые-девяностые годы.

– И что он нашёл?

– Этого я не могу сказать, – произнёс архивариус после паузы. – Он просматривал материалы около двух часов. Что именно изучал – в журнале не фиксируется. Только факт посещения и номер фонда.

– Он делал копии?

– Копирование в том фонде не разрешено.

– Но он мог делать фотографии на телефон.

Архивариус помолчал.

– Теоретически – мог. Мы не проверяем.

Марина записала: фонд семнадцать, двадцать восьмое октября, два часа.

– Скажите, – добавила она. – После его визита кто-нибудь ещё запрашивал этот фонд?

Снова пауза. На этот раз – дольше.

– Да, – сказал архивариус тихо. – Через три дня. Тридцать первого октября. Другой человек.

– Имя?

– В журнале записано: Котов Роман Сергеевич. Удостоверение – частный детектив.

Марина остановила ручку над блокнотом.

– Котов Роман Сергеевич, – повторила она ровно. – Спасибо. Я приеду лично – завтра утром. Мне нужно будет посмотреть этот фонд.

Она повесила трубку.

Котов Роман Сергеевич. Частный детектив. Пришёл в архив через три дня после Веденева и запросил тот же фонд.

Это уже не совпадение. Это след.

Марина посмотрела на часы – было почти шесть вечера. За окном давно стемнело. Петербург гудел внизу – машины, голоса, трамвай где-то вдали.

Она поймала себя на том, что думает не об архиве и не о Котове. Думает о том, как Антон Веригин стоял у кафе на Фонтанке и смотрел на воду. И как сказал: “Алексей не должен был умереть”.

Не “жалко парня”. Не “страшно”. Именно – “не должен был”. Как будто смерть Веденева была не трагедией, а ошибкой. Чьей-то конкретной ошибкой.

Она собрала бумаги, выключила лампу и встала.

Завтра – архив. Завтра – результаты вскрытия. Завтра – поиск Котова.

Но сначала – домой. Поест, поспать, дать голове перестать крутить одно и то же по кругу.

Она надела пальто у двери кабинета и вышла в коридор. Лампа над головой снова мигнула. Марина остановилась, посмотрела на неё снизу вверх.

– Ладно, – сказала она вслух. – Завтра.

И пошла к выходу.

Глава 3: Место преступления хранит чужие секреты

Каждый угол комнаты говорит – но на разных языках

Предмет не на своём месте

Результаты вскрытия пришли в половине десятого утра. Марина читала их стоя, у принтера, не дойдя до своего стола.

Патологоанатом Семён Аркадьевич Горелов был человеком дотошным и немногословным. Его заключения всегда были сухими, точными и без единого лишнего слова. Марина уважала его именно за это.

Она прочитала первый абзац – и перечитала ещё раз.

Причина смерти: острая сердечная недостаточность, вызванная токсическим воздействием. В крови обнаружены следы вещества из группы гликозидов – соединений, которые в малых дозах используются в кардиологии, в больших – вызывают остановку сердца. Характерная особенность: это вещество практически не оставляет следов при стандартном токсикологическом анализе. Его обнаружили только потому, что Горелов применил расширенный протокол – редкий, дорогой, который обычно не назначают при очевидно естественной смерти.

Веденеев был отравлен. Отравлен так, чтобы это выглядело как сердечный приступ.

Марина дошла до своего стола, села и положила листы перед собой.

Это меняло всё. Это переводило дело из разряда “странная смерть, которую стоит проверить” в разряд “убийство, тщательно подготовленное”. Кто-то знал – что взять, сколько дать, как сделать так, чтобы никто не искал. И почти не ошибся. Почти.

Она подумала об Антоне Веригине. Он был у Веденеева за час до смерти. Принёс “документы”. Когда уходил – Алексей был жив. Он говорит.

Но вещество могло подействовать через час. Через полтора. Это нужно уточнить у Горелова – как быстро.

Марина набрала его номер.

– Семён Аркадьевич. По Веденееву – сроки. Когда было принято вещество до момента смерти?

– По моим данным – от одного до трёх часов, – ответил Горелов. Голос у него был всегда одинаковый: ровный, без интонаций, как у человека, который давно перестал удивляться. – Точнее сказать затруднительно, зависит от индивидуального метаболизма и дозы.

– То есть его могли отравить между девятью вечера и одиннадцатью?

– Грубо – да. Может быть и раньше – если метаболизм медленный. Но не позже одиннадцати.

– Способ введения?

– Вероятнее всего – перорально. С едой или питьём.

Марина поблагодарила и повесила трубку.

Перорально. С едой или питьём. Значит, кто-то либо угостил Веденеева чем-то в тот вечер. Либо добавил что-то в то, что у него уже было дома – и ушёл.

Она снова вспомнила квартиру. Кухня – она там была, смотрела, но поверхностно. Нужно возвращаться. Нужно смотреть всё заново – уже зная, что это убийство.

Она позвонила Ломову.

– Серёга. Едем на Некрасова. Сейчас.

– Что случилось?

– Вскрытие показало отравление.

Пауза.

– Еду, – сказал Ломов.

Пока ждала его, Марина открыла базу на Котова Романа Сергеевича. Нашла быстро – частный детектив, лицензия действующая, зарегистрирован три года назад. До этого – восемь

лет в полиции, уволился по собственному желанию. Офис на Васильевском острове, сайта нет, только номер телефона.

Она позвонила.

Трубку взяли после второго гудка.

– Котов, – сказал мужской голос. Резкий, быстрый.

– Добрый день. Следователь Соколова. Я по делу Веденева Алексея Игоревича.

Секунда тишины. Потом:

– Я вас слушаю.

– Вы тридцать первого октября запрашивали семнадцатый фонд городского архива – через три дня после Веденева. Кто вас нанял и с какой целью?

– Это конфиденциальная информация клиента, – сказал Котов. Спокойно, без напряжения – как человек, которому задавали этот вопрос много раз.

– Котов. Веденев мёртв. Официально – убийство.

Пауза. Более длинная.

– Когда вы хотите встретиться? – спросил он наконец.

– Сегодня. Во второй половине дня.

– Хорошо. Приезжайте к трём. Адрес есть?

– Найду.

Она положила трубку и посмотрела в окно. Двор-колодец, голые деревья, серое небо. Ноябрь не менялся – был таким же, как вчера, как позавчера. Упрямым.

В дверь постучал Ломов – в расстёгнутой куртке, с чемоданчиком криминалиста.

– Готов, – сказал он.

– Едем.

Запах которого не должно быть здесь

На этот раз Марина входила в квартиру иначе. Не как в первый раз – с тонкой папкой под мышкой и вопросом “что здесь вообще произошло”. Теперь она знала, что произошло. И это знание меняло то, как смотришь на вещи.

Она остановилась в прихожей и снова вдохнула.

Запах туалетной воды стал слабее – прошло ещё сутки. Но он был. Едва-едва, но был.

– Ломов. Нужно взять образец воздуха, если возможно.

– Попробую, – сказал он без уверенности. – Но честно – почти бесполезно. Слишком рассеялось.

– Попробуй.

Она прошла на кухню. Вот здесь нужно было работать серьёзно. Если вещество ввели с едой или питьём – следы могут быть здесь. Посуда, продукты, что угодно.

Кухня была небольшой, аккуратной. Тарелки в сушилке. На плите – чистая сковородка. В мойке – два стакана. Марина остановилась.

Два стакана. Веденеев жил один. Два стакана в мойке – значит, пил не один. Или пил дважды из двух стаканов, что странно.

– Ломов! – позвала она. – Стаканы в мойке – образцы со стенок, срочно.

– Уже иду.

Она открыла холодильник. Внутри было немного – пара контейнеров с едой, сок, молоко, несколько йогуртов. Всё это простояло здесь почти десять дней – испортилось. Но образцы всё равно нужны.

– Всё из холодильника – тоже в лабораторию, – сказала она.

Пока Ломов работал на кухне, она вернулась в комнату. На этот раз смотрела иначе – не как человек, ищущий улики. Как человек, пытающийся восстановить вечер.

Восьмое ноября. Примерно девять вечера – пришёл Антон Веригин. Принёс документы. Они разговаривали около часа. Может, пили – что? Чай, кофе, что-то другое? На столе следов чашек нет – но вымыть мог кто угодно, в том числе сам Антон, прежде чем уйти.

Или не Антон.

Марина прошла к дивану и присела на корточки. Осмотрела пространство под ним – пыль, один карандаш, закатившийся далеко. Ничего.

Встала. Подошла к книжной полке.

Вот тут она и увидела его.

Книга. Стоит на полке – но не так. Корешком внутрь, страницами наружу. Всего одна такая из примерно сорока книг на полке. Остальные – нормально. А эта – повёрнута.

Марина достала её в перчатках. Тонкая книга, что-то по архитектуре – “Петербург: дворы и переходы”. На обложке фотография арки.

Она открыла.

Внутри – между страницами сорок два и сорок три – лежала сложенная вчетверо бумага. Марина развернула её медленно.

Это была распечатка. Таблица – имена, даты, суммы. Семь строк. Суммы крупные – от пятисот тысяч до трёх миллионов рублей. Даты – с две тысячи восемнадцатого по две тысячи двадцать второй год. Имена – частично закрыты, оставлены только инициалы. Но одно имя написано полностью, в самой нижней строке: Старостин Герман Вадимович.

Марина смотрела на эту бумагу долго.

Старостин. Снова.

Компания Старостина – на неё зарегистрирован телефон, с которого звонили Веденееву. Антон Веригин знал Старостина. И теперь – таблица с именем Старостина в квартире убитого.

Это была нить. Тонкая, но настоящая.

Она убрала бумагу в пакет и позвала Ломова.

– Нашла кое-что в книге. Сфотографируй полку до того, как я забираю.

Ломов сфотографировал. Марина держала пакет с бумагой и думала: Веденеев нашёл эту таблицу в архиве? Или у него она была раньше? Почему он её прятал – и так неумело, в книге, повернутой задом наперёд?

Либо он прятал наспех – уже зная, что может быть опасно. Либо это оставил кто-то другой. Тот, кто приходил после его смерти.

Окно открытое изнутри

Ломов окликнул её из кухни.

– Соколова. Иди сюда.

Она пришла. Ломов стоял у окна и показывал на раму.

– Смотри. Окно закрыто. Но засов – видишь?

Марина посмотрела. Засов был задвинут – но не до конца. Буквально на сантиметр не доходил до паза. С виду – закрыто. На самом деле – нет.

– И что это значит?

– А вот что. – Ломов открыл окно и кивнул вниз. – Пожарная лестница. Старая, но рабочая. Идёт от второго до четвёртого этажа. Кухонное окно выходит на неё прямо.

Марина высунулась. Пожарная лестница – ржавая, но держится. До неё с подоконника – шаг, не больше.

– Окно было так засунуто изначально, или его специально так оставили?

– Судя по следам на засове – его двигали. Недавно. Краска стёрта свежо – видишь, вот здесь блестит металл? Это не от времени.

Марина смотрела на металлическую полоску свежего блеска там, где краска была сбита.

– Кто-то открывал это окно изнутри и уходил через лестницу, – сказала она медленно. – Потом задвинул засов – чтобы выглядело запертым. Но не дотянулся до конца. Или поторопился.

– Именно.

Это был второй путь. Тот, кто уходил через парадную дверь – это Антон Веригин. Он сам об этом сказал. Но кто-то мог уйти через кухонное окно. До Антона, после или одновременно.

Марина посмотрела вниз ещё раз. Двор – проходной, можно выйти с двух сторон. Камер во дворе – она это уже знала – нет. В подъезде камера есть, но только у входной двери, угол – тот, который снимает лестничные пролёты, не работал с сентября. Это она тоже уже проверила.

Кто-то знал про камеру. Или проверил заранее.

– Ломов, – сказала она. – Со стёкол на окне – всё что можно.

– Уже снимаю.

Марина вернулась в комнату и встала посреди неё. Смотрела вокруг медленно – стена, полка, диван, стол, кровать, окно.

Мужчина в тёмной нише на лестнице – это видел Антон. Человек, который ушёл через кухонное окно – это уже другая история. Их могло быть двое. Или один – который обошёл здание снаружи.

Или Антон говорит правду лишь частично.

Она не хотела об этом думать. Именно поэтому – надо.

Деталь которую все пропустили кроме неё

Марина вернулась к книжной полке и начала просматривать остальные книги. Одну за другой, медленно. Открывала, листала, смотрела.

На двадцать третьей книге – снова что-то. Не бумага на этот раз. Просто карандашная пометка на полях – маленькая, почти незаметная. Страница сто семнадцать книги по истории петербургской промышленности. В тексте речь шла о заводах конца девятнадцатого века – ничего особенного. Но на полях, у одного абзаца, карандашом было написано одно слово: “Романов”.

Марина остановилась.

Романов. Это могло быть что угодно – имя, фамилия, просто историческая отсылка к царской семье. В книге про петербургскую промышленность – вполне логично, в тексте могло встретиться это слово в историческом контексте.

Она прочитала абзац на странице сто семнадцать. Речь шла о передаче промышленных объектов в частные руки после революции. Никакого Романова в тексте не было.

Значит, пометка – не к тексту. К чему-то другому. Ассоциация, напоминание, имя – чьё?

Она сфотографировала страницу. Потом просмотрела ещё несколько книг – больше пометок не было.

Когда они с Ломовым собирали всё в пакеты и готовились уходить, Марина ещё раз прошла по квартире. Остановилась в прихожей.

На полочке у зеркала – ключи. Один связкой: три ключа, брелок в виде маленького велосипеда. Это понятно – квартира, почтовый ящик, какой-то третий. Но рядом – отдельный ключ. Без связки, просто лежит. Обычный, стальной, без маркировки.

Марина взяла его. Посмотрела. Форма ключа – от навесного замка. Небольшого, вероятно. Ящик, чемодан, гараж. Или ячейка камеры хранения.

Она убрала ключ в пакет.

– Ломов, – сказала она у двери. – Сколько камер хранения в пешей доступности от этого адреса?

Тот подумал.

– Ближайший вокзал – Московский. Минут двадцать пешком. Но автоматические камеры хранения сейчас везде – в торговых центрах, в метро. На Восстания – точно есть.

– Нужно проверить все.

Ломов посмотрел на неё с лёгким страданием.

– Это много работы, – сказал он.

– Я знаю, – согласилась она. – Начни с ближайших к дому.

Они вышли и закрыли квартиру. На этот раз – опечатали. Марина наклеила бумажную ленту сама, аккуратно, по всем правилам. Тому, кто приходил сюда после смерти Веденева – больше не войти без следов.

На улице было холодно. Ломов зябко застегнул молнию на куртке – наконец-то.

– Всё-таки убийство, – сказал он негромко. Не вопросительно – утвердительно.

– Всё-таки убийство, – подтвердила Марина.

Они постояли секунду на крыльце подъезда. Над головой капало с козырька – мелко, монотонно.

– Кто-то очень умный, – сказал Ломов. – Вещество редкое, следы минимальные, камера в подъезде не пишет пролёты, окно с лестницей. Это не спонтанно.

– Нет, – согласилась Марина. – Это готовилось.

Она посмотрела на улицу – мокрый асфальт, редкие прохожие, далеко трамвай. Где-то там ходит человек, который всё это спланировал. Который знал про вещество, про камеру, про

пожарную лестницу. Который знал про архив – потому что прислал детектива Котова по следу Веденева.

И который не знал одного – что в квартире есть кактус, который кто-то придёт поливать. И что этот кто-то оставит запах туалетной воды, который учует Марина Соколова. И что не назначенное вовремя вскрытие всё-таки будет назначено – потому что Крылову позвонят сверху.

Детали. Маленькие, почти незаметные детали, которые убийца не предусмотрел.

Марина повернулась к Ломову.

– В три часа я на Васильевском, к детективу Котову. Держи меня в курсе по лаборатории.

– Принято.

Она пошла к машине. На полпути достала телефон и посмотрела на номер Антона Веригина. Потом убрала.

Нет. Пока – нет.

Сначала Котов. Потом – снова Антон. Уже с другими вопросами.

Потому что если вещество дали Веденеву между девятью и одиннадцатью вечера восьмого ноября – а Антон был там с одиннадцати до полуночи примерно, по его словам – то либо Антон отравил его до того, как сел разговаривать. Либо кто-то другой сделал это до прихода Антона. Либо – Антон врёт о времени.

Три варианта. Один из них правда.

И она узнает – который.

Марина ехала на Васильевский и смотрела на город за окном машины. Петербург в дневное время ноября – это особенный вид. Серый, но не мрачный. Строгий. Как человек, который много пережил и перестал улыбаться без причины. Но красота никуда не делась – просто стала другой, взрослой.

Она любила этот город. Всегда любила – даже когда уставала, даже когда он давил своей темнотой и сыростью. В нём было что-то настоящее. Он не притворялся.

Не то что люди.

Веденев. Тихий дизайнер, который бегал полумарафоны и держал кактус на подоконнике. Который нашёл что-то в архиве – таблицу с именами и суммами. Который написал на листке “Нева”, “архив” и дату. Который однажды сказал коллеге: “Иногда лучше не знать правду про человека.”

Он знал правду. И она его убила.

Марина сжала руль чуть сильнее.

Найти.

Просто – найти. Это она умеет.

Остальное – потом.

Офис Котова был на третьем этаже дома на Среднем проспекте – небольшой, без вывески, с дверью из матового стекла. Марина позвонила. Открыли сразу.

Котов оказался мужчиной лет пятидесяти, коренастым, с короткими седеющими волосами и взглядом человека, который привык разговаривать с полицией – без лишнего напряжения, но и без лишней открытости.

– Соколова? – Он протянул руку. – Роман Котов. Присаживайтесь.

Офис был аккуратным – стол, два кресла, шкаф с папками, одно окно на проспект. Никакого антуража из детективных фильмов. Рабочее место человека, который просто работает.

– Кофе? – спросил Котов.

– Нет, спасибо. – Марина села. – Кто вас нанял и зачем?

Котов сел напротив и помолчал секунду – взвешивал.

– Клиент дал разрешение говорить, – сказал он наконец. – Когда я ему позвонил после вашего звонка. Так что скажу.

– Слушаю.

– Меня наняла женщина. Зовут Наталья Борисовна Игнатова, пятьдесят один год, живёт в Петербурге. Задача – найти и проверить определённые документы в архиве, касающиеся её отца. Фамилия отца – Борис Игнатов. В семнадцатом фонде хранятся документы о приватизации ряда объектов в начале девяностых. Её отец был в этом деле – как именно, она сама до конца не знала. Меня наняли разобраться.

– А Веденеев? Как он связан с Игнатовой?

Котов покачал головой.

– Никак, насколько я знаю. Я не знал о нём, пока архивариус не сказал мне, что три дня назад фонд запрашивал молодой мужчина. Я тогда не придал значения.

– Но теперь придаёте.

– Теперь – да.

– Что вы нашли в фонде?

Котов открыл ящик стола и достал папку. Тонкую – но всё-таки папку.

– Это копии, – сказал он. – Которые мне разрешили сделать. Я отдам вам оригиналы своих записей, раз это убийство.

– Что там?

– Приватизационные документы девяносто второго-девяносто четвёртого года. Несколько объектов – производственные помещения, один складской комплекс. В документах есть подписи. Одна из них – Старостин Герман Вадимович. Он был в комиссии по приватизации.

Марина взяла папку.

– Старостин, – сказала она.

– Старостин, – подтвердил Котов. – И ещё несколько имён. Среди которых – некий Игнатов Борис Михайлович. Отец моей клиентки.

Марина смотрела на него.

– Что именно в этих документах такого, за что убивают людей тридцать лет спустя?

Котов пожал плечами. Не из незнания – из осторожности.

– Это не моя работа – делать такие выводы, – сказал он. – Моя работа – найти документы. Нашёл. Но если хотите моё мнение – в этих приватизационных схемах могут быть очень большие деньги. Объекты, которые тогда уходили за копейки, сейчас стоят иначе. Если кто-то хотел переписать права на эти объекты – или, наоборот, скрыть, как они были получены – такие документы очень мешают.

– Очень мешают, – повторила Марина медленно. – До такой степени, что убивают людей, которые их нашли.

– Именно, – сказал Котов.

Она встала, взяла папку под мышку.

– Котов. Ваша клиентка – Игнатова. Она в безопасности?

Он посмотрел на неё. Впервые за весь разговор в его глазах что-то мелькнуло – не страх, но что-то близкое к нему.

– Я ей позвоню, – сказал он. – Сегодня же.

– Позвоните прямо сейчас. – Марина уже была у двери. – И дайте мне её контакт.

Котов записал номер на листке и протянул ей.

– Соколова, – сказал он вслед. – Будьте аккуратны. Тот, кто это сделал – он не торопился и не ошибался. Почти.

– Я знаю, – сказала она, не оборачиваясь.

Она вышла на лестницу и остановилась. Прислонилась спиной к стене. Закрывает глаза на три секунды.

Старостин. Игнатов. Приватизация. Документы, за которыми охотятся. Детектив Котов, нанятый дочерью одного из участников. Веденеев – дизайнер, который каким-то образом вышел на те же документы. И Антон Веригин – который знал Старостина, был у Веденева в последний вечер и говорит дозированными фразами.

Нити есть. Они тянутся в одну сторону. Но конец этого клубка она пока не видит.

Она открыла глаза и пошла вниз по лестнице.

Завтра – архив. Сегодня вечером – снова перечитать всё с начала. Потому что где-то в том, что она уже знает, есть ответ. Он всегда есть – просто смотришь пока не в ту сторону.

На улице снова пошёл дождь. Мелкий, противный – петербургский. Марина подняла воротник пальто и пошла к машине.

Где-то в городе ходил человек, который убил Алексея Веденева. Который знал про архив и про документы. Который полил кактус – или велел кому-то полить, чтобы никто не насторожился раньше времени. Аккуратный, думающий, терпеливый.

И где-то в этом же городе стоял Антон Веригин. Который знал про Старостина. Который говорил “это создаст проблемы для вас в том числе” – и смотрел при этом так, как смотрят люди, когда говорят правду.

Марина села в машину. Завела двигатель. Включила печку.

Дело без начала – нашло начало. Старостин, девяносто второй год, приватизация, большие деньги. Где-то там – убийца.

И где-то рядом с этим – Антон Веригин, который знает больше чем говорит. И которого она зачем-то не может перестать вспоминать.

Это было некстати.

Она тронулась с места и поехала в сторону центра.

Некстати – это мягко сказано.

Глава 4: Он снова оказался рядом – случайно

Второй раз случайностей не бывает – она это знает лучше всех

Кофейня в двух кварталах от места дела

Прошло четыре дня.

Четыре дня – это много для дела, в котором есть труп, яд и документы на тридцать лет давности. И одновременно – ничто. Потому что каждый новый ответ рождал двух новых вопросов, а те – ещё четырёх. Марина чувствовала себя человеком, который разматывает клубок шерсти – нить идёт, но конца не видно, а клубок почему-то становится больше, а не меньше.

Из архива она вернулась с головной болью и полным блокнотом записок. Семнадцатый фонд оказался большим – папки пожелтевших документов, протоколы комиссий, акты приватизации. Архивариус – пожилой мужчина по имени Леонид Павлович Сухарев, маленький, осторожный, с привычкой смотреть на посетителей поверх очков – помог найти нужные папки, но сам держался на расстоянии. Как будто боялся этих документов. Или боялся тех, кто за ними приходит.

Таблица, найденная в квартире Веденева, совпала с документами архива частично – суммы и даты сходились, имена – только некоторые. Кто-то составил эту таблицу на основе реальных документов, но добавил туда информацию, которой в официальных архивах не было. Это означало: у кого-то были дополнительные источники. Личные документы, частная переписка, что-то, что не сдавали в архив.

Игнатова Наталья Борисовна встретила с Мариной на следующий день после звонка Котова. Оказалась женщиной аккуратной, зажатой, явно напуганной. Рассказала: отец умер пять лет назад, оставил после себя бумаги, которые она не разбирала – до тех пор, пока три месяца назад не получила анонимное письмо. В письме говорилось, что в архиве есть документы, которые касаются её отца, и что она должна это знать “ради справедливости”. Никакой подписи, никаких деталей. Она испугалась и наняла Котова.

Марина спросила: не знакома ли она с Веденевым?

Игнатова ответила: нет. Никогда не слышала это имя.

Кто написал анонимное письмо – оставалось вопросом. Но Марина уже имела одну версию. Пока не доказанную.

Ключ от камеры хранения – Ломов нашёл ячейку в автоматической камере на станции метро “Площадь Восстания”. Ячейка была открыта на имя Веденева, оплачена за месяц вперёд. Внутри – флешка. Марина отдала её в отдел цифровой криминалистики. Результаты ждала.

Вот так прошли четыре дня. Много работы, много вопросов, несколько ответов – но не тот, главный.

Двенадцатого ноября, в пятницу, около полудня, Марина вышла из архива после второго визита – голодная, с затёкшей спиной и ощущением, что смотрела в документы слишком долго и уже не видит в них ничего, кроме букв. Ей нужен был кофе, пауза и желательно – тишина минут на двадцать.

Она знала кофейню в двух кварталах. Небольшое место – не то, куда ходят компаниями. Туда ходят одни, с книгой или с мыслями. Она бывала там раньше – не часто, но несколько раз.

Толкнула дверь, вошла. Тепло, запах кофе и сдобы. За стойкой девушка кивнула – узнала, хотя бы как постоянного посетителя.

Марина заказала капучино и булочку с корицей – последнее было слабостью, о которой она никому не рассказывала. Взяла поднос и развернулась, чтобы найти место.

И увидела его.

Антон Веригин сидел у окна. Спиной к ней. Тёмная куртка, чуть длинноватые волосы. Он смотрел на улицу и держал в руках кружку.

Марина стояла с подносом три секунды, не двигаясь.

Два квартала от архива, куда она ходит дважды за четыре дня. Пятница, полдень. Кофейня, в которой обычно мало народу.

Совпадение? Возможно. Но она одиннадцать лет занималась тем, что разбирала совпадения – и знала, что большинство из них совпадениями не являются.

Она подошла к столику у стены – не к нему, но туда, откуда он был виден. Поставила поднос и села. Достала блокнот, открыла – не для работы, а чтобы было чем заниматься.

Антон Веригин не обернулся.

Она выпила полкружки кофе. Съела половину булочки. Сделала несколько пометок в блокноте, которые не имели смысла – просто движение ручки.

Потом он обернулся.

Не резко – медленно, как человек, который давно знает, что кто-то есть, и наконец решил посмотреть.

Их взгляды встретились.

Он не удивился. Она – тоже.

Он сидит спиной – но знает что она здесь

Антон смотрел на неё секунду. Потом сделал то, чего она не ожидала – встал, взял свою кружку и подошёл.

– Можно? – кивнул на стул напротив неё.

– Это публичное место, – сказала Марина.

Он сел. Поставил кружку на стол. Посмотрел на неё без предисловий.

– Вы работали в архиве, – сказал он. Снова не вопросительно.

– Вы следили?

– Нет. – Он взял кружку. – Я здесь бываю. Вас я увидел случайно – когда вы шли по улице в сторону отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.